

природы, ипостаси и энергии: *логос* и *тропос* соотносятся как природное и ипостасное. Поэтому допустимо говорить о тропосе энергии как об индивидуальном действии. Вопрос о соотношении понятий *логоса* и *энергии* не получает в рассматриваемом исследовании окончательного ответа. Ларше все-таки не склонен напрямую отождествлять эти два понятия.

В заключение следует сказать, что настоящая монография как по глубине и адекватности анализа обширного патристического материала, так и по значению своего предмета является необычайно ценной публикацией, а ее выход — заметным событием в христианской науке и богословии. В то же время, хочется надеяться, что исторический обзор становления богословия божественных энергий, остановившийся на преподобном Иоанне Дамаскине, является хотя и значительным, но все-таки промежуточным итогом изучения Ж.-К. Ларше святоотеческого наследия, за которым последует не менее масштабное продолжение.

П. Б. Михайлов
(ПСТГУ, ИФ РАН)

The Origins of the Platonic System. Platonisms of the Early Empire and their Philosophical Contexts / M. Bonazzi, J. Opsomer, eds. Louvain; Namur; P.; Walpole (MA): Peeters, 2009.

Сборник «Начала платонической системы. Платонизмы Ранней Империи и их философские контексты» вышел в 2009 г. Данное издание было осуществлено при содействии Миланского и Кёльнского университетов и представляет собой плод совместного труда французских, итальянских и немецких ученых. В качестве научных редакторов сборника выступили профессор истории античной философии Миланского университета Мауро Бонацци — автор комментированного издания перевода Платонова *Менона* (2010), фрагментов софистов (2007) и монографии по среднему платонизму (2003), а также профессор Кёльнского университета Ян Опсомер.

Научная проблематика, затрагиваемая в сборнике, убедительно раскрыта во введении через постулирование несомненной необходимости изучения «истории систематизации учения Платона»¹.

Авторы статей, вошедших в сборник, не ставят перед собой новых, ранее не обсуждавшихся проблем, однако их исследования являют собой нечто большее, чем введение в историю того или иного вопроса, имеющего отношение к среднему платонизму. Одна из непосредственных задач настоящей работы состоит, по мнению редакторов², в том, чтобы предложить внимательную и непредвзятую трактовку философии представителей среднего платонизма, которая не сводилась бы к простому утверждению об эклектизме их учений. Помимо кри-

¹ The Origins... P. 1.

² Ibid. P. 2.

тических библиографических обзоров, которые можно встретить практически в каждой статье, сообщения ученых содержат оригинальные интерпретации ранее высказанных гипотез и интересные наблюдения, которые важны для любого внимательного исследователя.

Открывает сборник статья Томаса Бенатуиля, профессора философии Университета Нанси (Франция) «Θεωρία и созерцательная жизнь от стоицизма до платонизма: Хрисипп, Панетий, Антиох и Алкиной»³. Вопрос о роли Антиоха в разработке платонизма в период империи неоднократно привлекал к себе внимание ученых. Однако Бенатуиль видит свою специальную задачу в рассмотрении представлений о созерцании у стоиков, перипатетиков и у Антиоха. Опровергая позицию К. Фладерера⁴ (1996) и Г. Караманолиса⁵ (2006), автор делает важный вывод о том, что позиция Антиоха по отношению к стоикам в большинстве случаев критична и вдохновлена скорее Платоном, чем Аристотелем. Обращаясь к часто обсуждаемому вопросу о влиянии стоической этики на представления Антиоха о подобающем для мудреца жизненном пути, ученый вопреки мнению некоторых своих коллег отмечает преимущество созерцательной жизни над так называемой «смешанной жизнью», включающей в себя политический и этический аспекты деятельности. Тем не менее это наблюдение ученого согласуется с созданным еще в работе Джона Диллона образом Антиоха — консерватора, отказывающегося от развития доктрины «смешанной жизни» на том основании, что она не была известна древним академикам (Аристотелю и Теофрасту). В подтверждение своей гипотезы ученый приводит краткое описание позиции Алкиноя, который развивал идеи Антиоха.

Еще одна статья, посвященная влиянию стоической этики на учение Антиоха, принадлежит перу научного редактора настоящего сборника Мауро Бонацци⁶. В статье приводится достаточно подробный критический обзор библиографии по заявленной теме. Несмотря на ограниченные рамки доклада, ученый ставит перед собой масштабную цель: показать, что учение Антиоха не находится в состоянии зависимости или противостояния со стоицизмом, но стремится к согласованию концепций двух философских школ. Бонацци опровергает представление о доктрине Антиоха, как о наивном объединении непримиримых систем, характеризуя ее как попытку подчинения стоицизма платонизму. Исследователь проводит сравнительный анализ воззрений Антиоха и стоической этики, прежде всего учения о страстях. Он приводит примеры усилий философа, направленных на поиск подходящей терминологии, способной объединить противостоящие концепции. Прекрасно осознавая всю сложность избранной научной задачи и отмечая слабые места своей гипотезы, ученый предлагает перспективное направление для дальнейшего изучения.

³ *Bénatouïl T.* Θεωρία et la vie contemplative du stoïcisme au platonisme: Chrysippe, Panétius, Antiochus et Alcinoos (Там же). P. 3–33.

⁴ *Fladerer L.* Antiochos von Askalon: Hellenist und Humanist. Graz: Berger & Söhne, 1996. (Grazer Beiträge ; Supplementband 7).

⁵ *Karamanolis G. E.* Plato and Aristotle in Agreement? Platonists on Aristotle from Antiochus to Porphyry. Oxford: Oxford University Press, 2006.

⁶ *Bonazzi M.* Antiochus' Ethics and the Subordination of Stoicism (Там же). P. 33–55.

Статья второго научного редактора сборника — Яна Опсомера⁷ посвящена личности действительно плохо изученной, но при этом весьма важной для понимания развития платонизма в Александрии в период империи. Немецкий ученый предпринимает попытку воссоздать философский образ учителя Плутарха Анния Аммония, о котором мы знаем главным образом из сочинений его ученика. Поскольку при изложении своего мнения Плутарх часто ссылается на авторитет учителя, различить их убеждения, не имея под руками трудов самого Аммония, достаточно сложно. Однако именно эту задачу ставит перед собой автор статьи. Он анализирует третью, восьмую и девятую книги «Застольных бесед» (*Quaestiones convivales*) Плутарха, в которых ярко и подробно представлен образ Аммония. Чтобы наметить границу между учениями Плутарха и Аммония, исследователь обращается к изучению истоков их философии, стремясь понять, в русле какой традиции происходило формирование их идей. В своих выводах Опсомер во многом следует позиции Виттэйкера⁸, отстаивавшего неопифагорейское влияние на мировоззрение Аммония, но при этом доказывает связь его учения со скептическим направлением, воспринятом в духе Филона из Ларисы⁹. В завершении статьи автор предлагает 26 тезисов, иллюстрирующих основные направления философии Аммония, а также приводит обширную библиографию. Внимательное отношение к достижениям своих предшественников и новые наблюдения ученого делают данную статью интересной не только для начинающего, но и для искушенного исследователя.

Также в сборнике представлены работы коллег Мауро Бонацци по Миланскому университету Франко Трабаттони¹⁰, проанализировавшего фрагмент из известного трактата Филона Александрийского «О сотворении мира» (*De opificio mundi* 7–12) и Пьерлуиджи Донини¹¹, рассмотревшего трактат Плутарха «О гении Сократа» (*De genio Socratis*). В своей статье Трабаттони обращается к уже обсуждавшейся ранее проблеме определения адресата полемики Филона Александрийского. В свое время А. Бос¹² и Д. Руниа¹³ говорили о халдейском происхождении теорий, с которыми полемизировал философ, и усматривали антиплатоническую направленность в его произведении. Возражая им, Трабаттони утверждает, что объектом критики Филона было учение перипатетиков, а его трактат *De opificio mundi* рисует библейско-платоническую картину отношений между Богом и миром. Данная позиция ученого в целом согласуется с мнением

⁷ *Opsomer J. M. Annii Ammonius, a Philosophical Profile* (Там же). P. 123–187.

⁸ *Whittaker J. Ammonius on the Delphic E // Classical Quarterly*. 1969. Vol. 19. P. 185–192.

⁹ Более подробно автор раскрывает эту тему в другой своей статье: *Opsomer J. In Search of the Truth. Academic Tendencies in Middle Platonism* (*Verhandelingen der Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België, Klasse der Letteren* (Jaargang 60); 163). Brussel, 1998.

¹⁰ *Trabattoni F. Philo, De opificio mundi 7–12 // The Origins...* P. 113–123.

¹¹ *Donini P. Il silenzio di Epaminonda, I demoni e il mito: il platonismo di Plutarco nel De genio Socratis // The Origins...* P. 187–215.

¹² *Bos A. P. Philo of Alexandria: a Platonist in the image and likeness of Aristotle // The Studia Philonica Annual*. 1998. Vol. 10. P. 66–86.

¹³ *Runia D. T. Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato*. Leiden: Brill, 1986 (*Philosophia Antiqua*; 44).

Джона Диллона¹⁴, высказанным в 1977 г. в известной работе «Средние платоники», но исследователь более определенно намечает как некоторый отход Филона от платоновского «Тимея» (в отличие от Платона, идеи оказываются не высшей реальностью, а порождением божественного ума), так и основной пункт его претензий к Аристотелю (учение о вечности мира ставит под сомнение божественное величие). Разумеется, настоящая работа полезна и в силу того, что вводит читателя в курс современных дискуссий на заявленную тему.

Работа профессора Римского университета Риккардо Чьярадонна посвящена изучению толкований Евдора на «Категории» Аристотеля¹⁵. Автор отмечает, что «Категории» играли важную роль в развитии перипатетического учения, и этим трактатом интересовались не только толкователи Аристотеля, но и представители других философских школ. В этой связи он ставит перед собой вопрос о том, в чем состояла причина такого внимания к этому сочинению. В результате сравнения введения Евдора к «Категориям» с толкованиями Андроника, Аристотона и Боэция ученый делает вывод о том, что критическая позиция Евдора состояла не в полном неприятии учения Аристотеля, но в стремлении согласовать его представления с общими положениями платонизма. Автор статьи подчеркивает, что экзегеза Евдора не имела ничего общего с критикой «Категорий» Платином. Он проводит любопытную аналогию между Евдором и Платином, которые, по его мнению, имели общую цель создания единой философской традиции, включающей в себя перипатетическую интерпретацию платонических концепций и элементы пифагореизма. В пользу данного утверждения ученый ссылается на работы своих коллег (Пьерлуиджи, Донини и Бонацци), придерживающихся того же мнения. Обращаясь к известному трактату Плутарха «Об Осирисе и Изиде», автор статьи отмечает, что в нем Аристотель помещен среди дуалистов. В свою очередь Пьерлуиджи и Донини, указывая на это сочинение, утверждают, что похожую пифагорейскую генеалогию можно найти в толковании Евдора на «Метафизику».

Грегор Штааб — автор статьи «Приметы нового пифагореизма в толкованиях Платона императорского периода: пифагорейский дуализм в согласии с учением о едином начале»¹⁶ называет в качестве общих примет взглядов пифагорейцев периода империи убежденность в том, что учение Платона коренится в учении Пифагора. При этом пифагорейское учение рассматривается не на манер Аристотеля, т. е. не в дуалистическом ключе, а в парадигме, заданной платоновскими текстами: учение о благе в «Государстве», о Едином в «Пармениде» и о творении в «Тимее». Такое рассмотрение основывается на признании наряду с парой $\lambda\epsilon\rho\alpha\varsigma$ и $\alpha\lambda\epsilon\iota\rho\nu$ некоего единого начала: $\xi\nu$ как $\alpha\rho\chi\eta$. Именно «Тимей», который в первую очередь рассматривался как рецепция учения Пифагора, требовал специального толкования, позволяющего усмотреть возможность сосуществования

¹⁴ *Dillon J. M. The Middle Platonists. A study of Platonism, 80 B. C. to A. D. 220. L.: Duckworth, 1977.*

¹⁵ *Chiaradonna R. Autour d'Eudore: Les débuts de l'exégèse des Catégories dans les Moyen Platonisme // The Origins... P. 89–113.*

¹⁶ *Staab G. Das Kennzeichen des neuen Pythagoreismus innerhalb der kaiserzeitlichen Platoninterpretation: «Pythagoreischer» Dualismus und Einprinzipienlehre im Einklang // The Origins... P. 55–89.*

пары начал и единого начала. После обращения к аристотелевскому пониманию пифагореизма автор разбирает учения Евдора, Модерата и Нумения. Евдор рассматривает пару $\mu\omicron\nu\acute{\alpha}\varsigma$ и $\acute{\alpha}\delta\omicron\rho\iota\omicron\tau\omicron\varsigma$ $\delta\upsilon\acute{\alpha}\varsigma$ как начала чисел, а $\acute{\upsilon}\lambda\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\omega$ $\theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ — как высшее Единое. Модерат понимал $\acute{\alpha}\delta\omicron\rho\iota\omicron\tau\omicron\varsigma$ $\delta\upsilon\acute{\alpha}\varsigma$ как неопределенное множество ($\lambda\omicron\sigma\acute{\omicron}\tau\eta\varsigma$) для логического представления $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$ как материального начала, которое, ограничивая Единое, оказывается вторым Единым в качестве оппозиции неопределенной двойцы. Нумений применяет пару начал $\mu\omicron\nu\acute{\alpha}\varsigma$ — $\delta\upsilon\acute{\alpha}\varsigma$ для понимания взаимоотношений между демиургом и хора, над которыми он помещает вместо идеи Благо как превосходящий бытие чистый ум. При этом второй бог причастен как миру идей, так и миру чувственности, что можно считать реализацией принципа диады. Важно также использование пифагорейских моделей в гносеологии. Нумений рассматривает учение о числах как $\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha$ $\mu\acute{\epsilon}\theta\omicron\delta\omicron\varsigma$, благодаря которому душа питается науками ($\mu\alpha\theta\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$). Понимание воспитательной роли пифагорейского учения подвигло Модерата написать 10 книг о пифагорейской философии. Это же педагогически-этическое отношение к математике было у Никомаха, а позднее у Ямвлиха. По мнению автора, пифагорейские образовательные программы, намеченные Нумением, Никомахом и Модератом, повлияли на Порфирия и Ямвлиха. При этом автор полагает, что уже Нумений строил свою школу в Апомее на основе пифагорейских принципов. Эти наблюдения о педагогической роли пифагореизма следует признать небесполезными, а их достоинством нужно считать отсутствие тенденции непременно найти у предшественников — средних платоников — то, что было представлено в более поздней неоплатонической традиции.

В статье «Молчание Эпаминонда, демоны и миф: платонизм Плутарха в трактате *О божестве Сократа*»¹⁷ Пьерлуиджи Донини рассматривает текст из «Моралий», вызывавший много споров в связи с тем, что две его основные темы — демон Сократа и заговор фиванцев против спартанцев в 379 г. — обычно представляются никак не связанными между собой, из-за чего общий смысл трактата оказывается неочевидным. Между тем трактат должен иметь глубокий философский смысл, поскольку в него введены такие важные фигуры, как Сократ, его ученик Симмий и даже Платон. Конечно, весь трактат объединяет фигура знаменитого политика и военного Эпаминонда, ученика пифагорейца, который по ходу диалога обнаруживает близость к сократовской позиции. Так, Плутарх показывает, как можно возразить отрицавшим единство Академии и обвинявшим ее в скептицизме и в отходе от Платона: Платон был последователем Пифагора, но и учеником Сократа, позиция которого была образцом для скептиков. Подробно анализируя трактат, автор, в частности, рассматривает характеристику Эпаминонда как человека весьма умудренного и при этом избегающего многоречия (592F10–11: $\tau\acute{\omicron}$ $\eta\theta\omicron\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}$ $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$ $\sigma\iota\omega\pi\lambda\lambda\acute{\omicron}\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\lambda\acute{\omicron}\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ $\epsilon\upsilon\lambda\alpha\beta\acute{\epsilon}\varsigma$). Сопоставляя $\epsilon\upsilon\lambda\alpha\beta\acute{\epsilon}\varsigma$ с текстом из «Почему божество медлит с воздаяниями» (*De sera numinis vindicta*), где речь идет о сдержанности академиков в высказываниях о богах (549E5–6: $\acute{\omega}\sigma\pi\epsilon\rho$ $\acute{\alpha}\phi'$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\alpha\varsigma$ $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\omicron}\mu\epsilon\iota\omicron$ $\lambda\alpha\tau\rho\acute{\omega}\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}$ $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ $\epsilon\upsilon\lambda\alpha\beta\acute{\epsilon}\iota\alpha\varsigma$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\text{Ἀκαδημεία φιλοσόφων}$), Пьерлуиджи Донини понимает это слово как термин, позволяющий Плутарху нарисовать образ многоученого

¹⁷ Donini. Op. cit. P. 187–215.

пифагорейца Эпаминонда, воздерживающегося на манер академиков от догматических высказываний о божестве. В заключение автор подчеркивает философское значение многих деталей в текстах Плутарха, которые на первый взгляд представляются имеющими только литературное значение. Так и в данном тексте Плутарх, искусно выстраивая диалоги и рисуя образы персонажей, формулирует свое отношение к историко-философской проблеме единства платоновской традиции и совмещение в ней пифагорейских и сократических начал.

Настоящий сборник может быть интересен и полезен исследователям, занимающимся проблемами среднего платонизма, так как помимо общего введения в вопросы, связанные с заявленными темами, он содержит обзоры современных научных дискуссий.

*А. В. Усачева
(ПСТГУ)*

Galileo goes to jail and others myths about science and religion / R. L. Numbers, ed. Cambridge (Massachusetts); L.: Harvard University Press, 2009. 302 p.

«Самый большой миф в истории взаимоотношений науки и религии гласит, что они всегда находились в состоянии конфликта», — так начинает свое предисловие к рецензируемой книге Рональд Намберс, один из авторитетнейших специалистов и издателей по теме диалога науки и религии. Действительно, широкая публика «знает», что религия всегда выступала против науки, свидетельством чего являются дело Галилея, критика теории Дарвина и т. д. Широкие круги верующих «знают», что наука всегда боролась с религией: научная критика Библии, механицистская теория мира Ньютона, Лапласа, эволюционные теории и т. д. Самое интересное, что подобные расхожие мнения встречаются не только на страницах газет, но и нередко на страницах академических изданий, в статьях наделенных академическими степенями ученых... Все это побудило группу известных историков и философов науки провести конференцию и выпустить в свет сборник статей, посвященных разоблачению подобных расхожих мифов. В работе участвовали авторитетнейшие ученые, занимающиеся темой взаимоотношений религии и науки: профессор Р. Намберс, президент Международного союза истории и философии науки; Дж. Брук, заслуженный профессор Оксфордского университета; Д. Линдберг, заслуженный профессор Университета Висконсина; М. Ослер, профессор Университета Калгари; профессор Н. Рупке, директор Института истории науки при Гёттингенском университете и другие — всего 25 авторов. Соответственно, сборник состоит из 25 статей, темы самые разные: от мифов, касающихся вопросов науки в античности и вплоть до современности. Вот названия некоторых из них: миф 1-й, что приход христианства ответственен за упадок античной науки; миф 5-й, что средневековая Церковь запрещала диссекцию трупов; миф 10-й, что научная